

⁵⁹ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 12.

⁶⁰ Там же, л. 13.

⁶¹ Там же, л. 22.

⁶² ЛЖГ I, 344.

⁶³ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 26.

⁶⁴ Там же, л. 27.

⁶⁵ Там же, л. 28.

⁶⁶ В ЛЖГ I приводится дата – 14 октября (с. 370).

⁶⁷ ЦИАМ, ф. 46, оп. 1, ед.хр. 210, л. 29.

⁶⁸ Там же, л. 38.

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЧЛЕН КРУЖКА ГЕРЦЕНА

Сообщение М.К. П е р к а л я

“Ты меня спрашиваешь, зачем я живу в Одессе? Разве это от меня зависит? Я долго боролся с упрямою волею отца, но она победила. Впрочем, я надеюсь, что мое затворничество не будет продолжительно: еще год, и я полечу туда, где указывают мне цель ум и сердце. До тех пор я буду жить мечтами; письма твои будут освежать мой сиротеющий дух, в них я нахожу тот голос и те звуки, которые мне издавна милы. Они, однако ж, слишком редки; из всех моих товарищей только ты не забываешь меня”¹.

Так начиналось письмо, отправленное Герцену из Одессы 18 августа 1834 г.

До адресата письмо не дошло: за месяц до этого Герцен был арестован и вскоре предстал перед Следственной комиссией по обвинению в вольнодумстве. В руках полиции оказались также и его друзья и знакомые – Огарев, Н.М. Сатин, В.И. Соколовский, И.А. Оболенский и другие – всего двадцать человек. При аресте были захвачены рукописи художественных и публицистических произведений, письма, программа издания журнала и другие материалы.

Власти были убеждены, что раскрыто тайное общество. Было отдано распоряжение – подвергать перлюстрации все поступающие на имя арестованных письма. 1 сентября московский почт-директор А.Я. Булгаков передал в руки следователей копию письма, посланного к Герцену из Одессы.

В этом перехваченном письме не было ничего “крамольного”, ничего такого, что могло бы дать основание для обвинения автора письма или его корреспондента в принадлежности к тайному обществу. По своему характеру оно не отличалось от большинства других писем, отобранных при аресте. Но перепуганные следователи все же сумели обнаружить в этом дружеском послании “опасное вольномыслие”.

Было установлено, что письмо написано М.М. Иваненко, служившим в канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. В Одессу был послан секретный запрос о политической благонадежности этого чиновника. Одновременно Герцену пришлось дать показания о характере своих отношений с Иваненко. На допросе 1 ноября 1834 г. Герцен заявил: “В 1831 или 1832 году познакомился я с Моисеем Михайловичем г. Иваненкою, выпущенным из благородного пансиона, который около сего времени уехал в Одессу, где служил при военном генерал-губернаторе графе Воронцове; переписки я с ним не имел, но несколько раз писал к нему, не помню вообще о чем; но последние два письма состояли в просьбе к нему прислать статью в предполагаемый мною Альманах на 1835 год; он обещал прислать и о сем писал, кажется, два раза. Прочих писем не припомню” (XXI, 427–428).

В своих показаниях Герцен, разумеется, постарался преуменьшить степень своей близости с автором письма, но перлюстрированный документ красноречиво свидетельствовал о дружбе и единомыслии обоих молодых людей. Иваненко называл в числе своих ближайших друзей Н.И. Сазонова, Н.М. Сатина и Огарева (двое из них находились под арестом), сетовал на то, что они не пишут, и выражал готовность “тремя письмами отвечать на их одно”.

Как видно из письма, Герцен делился с Иваненко своими творческими планами, в частности, он сообщил о подготовленном им к печати сокращенном переводе книги В. Кузена “Доклад о состоянии народного образования в некоторых странах Германии и особенно в Пруссии”. В список друзей и знакомых, которым Герцен собирался преподнести экземпляры своего издания, он включил и Иваненко (XXI, 591). Печатанье этой книги началось незадолго до ареста, но в свет она так и не вышла.

Судя по письму Иваненко, Герцен в не дошедшем до нас письме изложил некоторые мысли о роли Германии “в обновлении человечества”, занимавшее его в то время; высказал свое отношение к Н.А. Полевому и его журналу “Московский телеграф”, запрещенному в апреле 1834 г. При этом Герцен, видимо, упрекнул своего корреспондента в неумении “отдать должной справедливости Полевому”. Объясняя свою точку зрения, Иваненко привел отзыв о Полевом издателя “Одесского вестника” М.П. Розберга и добавил от себя: «Я скажу о нем (т.е. о Полевом. – М.П.), что ты сказал о Кузене: *мы ушли далее*. Познакомившись без постороннего посредства с образцовыми иностранными писателями, мы увидели шаткость мнений “Телеграфа”, неосновательность его суждений; он ни одного автора не понял вполне, не объяснил, как должно. Он кричал о Вильмене и ставил его наряду, если не выше, Шлегеля, у него Барант изображен гигантом, Геерен изуродован. Итак, Полевой был для нас каланчою, вечем новгородским, он первый зазвонил в колокол нравственной независимости. Но звонарь остался при колокольне, а сильные пошли вперед. Вскоре в университете явились: Василевский, Павлов, Давыдов, Надеждин, которых понятия были выше его понятий. Впрочем, Полевой будет всегда иметь право на наше уважение и признательность: он, по крайней мере, любил родину, он желал ей просвещения и деятельно оному способствовал. Запрещение “Телеграфа” – точно, потеря для нашей литературы: как журналист он превосходен. К чему только он брался за “Историю русского народа”?».

Иваненко откликнулся на просьбу Герцена прислать материалы для задуманного им альманаха: “Я продолжаю трудиться для вашей книги, не знаю только, в состоянии ли буду доставить тетрадь in folio толщиной в ладонь”.

В конце письма Иваненко просил, чтобы кто-нибудь из их общих друзей выслал в Одессу запрещенное цензурой собрание сочинений А. Мицкевича, вышедшее в Париже в четырех томах². Это было опасное поручение. Распространение запрещенных для ввоза в Россию изданий сурово преследовались. В июне 1834 г. для принятия мер против продажи не пропущенных цензурой книг по “высочайшему повелению” был образован особый комитет, куда вошли шеф жандармов, министры просвещения, юстиции, внутренних дел, управляющий III Отделением³.

Этим письмом, несколькими упоминаниями об Иваненко в переписке Герцена и Огарева и краткой биографической справкой в статье Ф.Ф. Майского “Юность Лермонтова”⁴ исчерпывались сведения об этом члене кружка Герцена и Огарева.

В Российском государственном историческом архиве удалось обнаружить новые материалы об Иваненко. Они значительно расширяют наши представления об идейных связях Герцена в 1839-х годах.

Моисей Михайлович *Иваненко* родился 4 августа 1813 г. в селе Остролучье Киевской губернии. Его отец, Михаил Моисеевич Иваненко, был почетным попечителем Александровского училища в Екатеринославле, затем, в 1837–1844 гг., – попечителем Екатеринославской гимназии⁵.

4 декабря 1826 г. Иваненко был определен в Московский благородный университетский пансион полным пансионером. Вместе с ним в пансионе обучались и два его брата – Андрей и Александр. 11 марта 1830 г. Московский пансион, как известно, посетил Николай I, и вскоре последовал “высочайший указ” о преобразовании пансиона в гимназию. Иваненко продолжал учиться в этом учебном заведении, и 6 ноября 1831 г. ему был вручен аттестат, удостоверявший, что он, “быв в 1827 году принят в пансион и обучавшись в оном искусствам, языкам и наукам, по утвержденному постановлению в пансионе преподаваемым, с отличным прилежанием, благородным поведением и похвальными успехами, окончил полный курс учения. В быт-

ность свою на публичных актах был награжден разными призами и двумя серебряными медалями. Ныне же по законченном испытании согласно с начертанными для сего правилами, на основании высочайшего его императорского величества указа от 14 февраля 1818 и от 29 марта 1830 годов, удостоен и высшим начальством утвержден в праве на чин *двенадцатого класса*...⁶

Августа 6 дня. Дан в Москве ноября 6-го дня 1831 года⁷.

Среди сорока шести воспитанников XII выпуска (несостоявшегося из-за преобразования пансиона) мы находим имена Лермонтова, Андрея и Моисея Иваненко⁸. Таким образом, более полутора лет (с 1 сентября 1828 г., когда Лермонтов был принят в пансион, и до 16 апреля 1830 г., когда он подал прошение об увольнении) Иваненко и Лермонтов учились вместе. Успехи их дважды одновременно отмечались на торжественных актах. 6 апреля 1829 г. по случаю девятого выпуска Московского благородного пансиона среди отличившихся воспитанников был назван Лермонтов, награжденный призами⁹. В этот же день за успехи в учении получил награду и Иваненко¹⁰. 29 марта 1830 г. на торжественном собрании в пансионе Лермонтов был награжден книгой¹¹, а Иваненко получил серебряную медаль с именем¹².

Прямых указаний на их знакомство мы не находим ни в дошедшей до нас переписке, ни в мемуарной литературе. Однако известно, что Лермонтов и Иваненко не только учились под руководством одних и тех же учителей, но и были членами литературного общества пансиона. Не приходится сомневаться в том, что они знали друг друга.

В Благородном пансионе, в кружке С.Е. Раича, усиленно изучалась английская романтическая поэзия, особенно творчество Т. Мура. Иваненко и Лермонтов отдали дань этим литературным интересам. В 1829 г. Лермонтов начал учиться английскому языку и уже через несколько месяцев читал в подлиннике Байрона, Скотта, Мура. В 1830–1832 гг. Лермонтов усиленно переводит Байрона в стихах и прозе, создает ряд “байронических” стихотворений. Сильное впечатление на Лермонтова оказывает и поэзия Мура.

Иваненко, как и Лермонтов, хорошо знал английскую литературу и также увлекался Байроном и Муром. По поручению Раича Иваненко написал работу “Характер слога и сочинений Томаса Мура” и на торжественном акте в Благородном пансионе произнес на английском языке речь на эту тему¹³.

В 1829 г. в журнале “Атеней” была напечатана анонимная заметка “Нечто о Муре” и прозаический перевод трех его стихотворений: “Испанская песня”, “Встреча кораблей” и “Вечерний выстрел”¹⁴. «Всем известен певец “Ирландских мелодий” и “Любви ангелов” (<...>), – читаем мы в заметке. – Воображение поэта равно питается прелестями своего идеала и воспламеняется делами политическими. Прихотливая муза его бич сатиры покидает для того, чтобы бряцать на лире. Политическая его поэзия понятна всего более для наблюдателей непрестанного хода дел английского правительства; но другие произведения имеют общую занимательность».

Публикация не осталась незамеченной. Высказывалось предположение, что и заметка и перевод принадлежат М.М. Иваненко¹⁵. Как установлено В.А. Мануйловым, Лермонтов, внимательно следивший за “Атенеем”, впервые познакомился со стихотворением “Вечерний выстрел” именно по этой публикации. Тогда же (а не в 1841 г., как считалось ранее) Лермонтов пишет стихотворение “Ты помнишь ли, как мы с тобою...”, представляющее собой перевод “Вечернего выстрела”. Произведенное Мануйловым сличение двух переводов – прозаического (Иваненко) и стихотворного – подтверждает этот вывод¹⁶.

6 ноября 1831 г. на торжественном акте по случаю окончания гимназии Иваненко выступил с докладами на английском языке “О важности английского языка” и на итальянском – “Об итальянской эпической поэме”¹⁷. Оба эти выступления характеризуют его как страстного поклонника романтической поэзии.

Еще в гимназии или вскоре после ее окончания Иваненко познакомился с Герценом и, как мы видели, вошел в его дружеский круг. Иваненко мог, таким образом, стать связующим звеном между Лермонтовым и Герценом.

ГЕРЦЕН

Портрет работы А.А. Збруева (масло), 1832

Фотокопия, принадлежавшая семье Пассек

Музей Герцена, Москва

Оригинал портрета хранится в Историческом музее (Москва)

В начале 1830-х годов пути Лермонтова, Герцена и Огарева не раз соприкасались как в стенах Московского университета, где они одновременно учились (Герцен на физико-математическом отделении, Лермонтов и Огарев – на нравственно-политическом), так и за пределами университетских аудиторий¹⁸. 16 марта 1831 г. произошла шумевшая “маловская история”, описанная Герценом в “Былом и думах”. В этой демонстрации участвовали и Герцен, и Лермонтов, и Огарев.

Были ли Герцен и Лермонтов знакомы? Высказывания Герцена о Лермонтове как будто позволяют положительно ответить на этот вопрос. В письмах, дневнике, публицистических статьях, в книге “О развитии революционных идей в России” и в “Былом и думах” содержится немало оценок личности и творчества Лермонтова. В его поэзии Герцен слышит голос эпохи, находит ярчайшее поэтическое выражение настроений поколения 1830-х годов – поколения, к которому принадлежал и сам Герцен.

Герцен говорил о Лермонтове как о своем современнике, единомышленнике и товарище. Общеизвестна характеристика поэта в книге “О развитии революционных идей в России” (1850). Читая ее, невозможно отрешиться от мысли, что Герцен передал здесь то, что лично видел. Сознание его как бы воссоздает “печальную мысль” Лермонтова, его смелые высказывания “без всякой пощады и прикрас”; ему известны страдания и мужественная душевная борьба поэта, его грустное прощание и мрачные предчувствия перед отъездом на Кавказ.

Вопрос о связях Герцена и Лермонтова неоднократно привлекал к себе внимание литературоведов. В работах Л.Н. Бродского, М.И. Гиллельсона и других исследователей вскрыты идейные связи и общность мироощущения этих двух выдающихся современников¹⁹. Однако попытки установить, имелись ли между ними какие-либо личные контакты, не привели к результативному выводу. Представления о личности и настроениях Лермонтова складывались у Герцена в результате его общения с кругом их общих знакомых. К их числу, безусловно, принадлежал и М.М. Иваненко.

После окончания гимназии Иваненко переехал в Одессу и 8 января 1833 г. был зачислен в штат канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова²⁰.

В Одессе Иваненко сблизился с М.П. Розбергом, профессором истории и русской словесности Ришельевского лицея, издателем “Одесского альманаха на 1831-й год”, редактором газеты “Одесский вестник” и еженедельного приложения к ней “Литературные листки”. Розберг играл заметную роль в культурной жизни Одессы. Его лекции и статьи, по словам современников, оказали “большое влияние на очищение и развитие русского языка в Одессе”, усилили “жажду к русскому чтению”²¹.

В цитированном выше письме к Герцену Иваненко писал, что общение с Розбергом доставляет ему “приятные минуты”²².

Розберг привлек Иваненко к сотрудничеству в “Литературных листках”, выходявших в 1833–1834 годах. Программа этого издания не отличалась особой широтой. В отделе “Науки” печатались материалы по истории, географии, статистике, естествознанию. Здесь были опубликованы, например, статьи “Об эпохах творчества и критики”, “Взгляд на некоторые события всемирной истории”, “О содержании, форме и значении изящнообразовательных искусств”, “Теория света”, “Разбор мнений опытных физиков об атмосферных явлениях” и пр. Печатая научные статьи, редакция, по ее словам, заботилась о том, чтобы они “не отзывались сухостью, односторонностью и направлением излишне техническим, а были легки и приятны”.

Отдел словесности заполнялся стихотворениями и отрывками из прозаических произведений. В 1833–1834 годах в “Литературных листках” печатались произведения А.И. Подолинского, А.И. Полежаева, А.А. Совинского, А.С. Стурдзы, В.П. Теплякова, Н.Г. Тройницкого, В.Н. Щастного и других.

Большое место в этом издании занимали переводы западноевропейских писателей – Гюго, де Виньи, Ж.-П. Рихтера, Бальзака, Нодье, Дюма, Ламенне, Гете, Мицкевича и др. Большинство переводов принадлежало самому редактору “Литературных листков”. Оценка переводческой деятельности Розберга содержится в анонимной статье “Литературная летопись Одессы” (в “Одесском альманахе на 1840 год”, в котором, кстати сказать, были напечатаны стихотворения “Узник” и “Ангел” Лермонтова): “Сам г. Розберг ограничивался только ролью переводчика. Впрочем, он владел мастерски языком, и его переводы были образцом изящной прозы, что также капитал в литературе, особенно юной. Этот капитал дал тотчас и проценты. Вокруг Розберга образовался целый кружок переводчиков, не просто ремесленников, но дилетантов литературы...”²³ В числе сотрудников “Одесского вестника” и “Литературных листков” автор статьи называет и Иваненко²⁴. Ему принадлежат переводы нескольких произведений: “Дон Жуан”²⁵, “Два гуртовщика”²⁶, “Товия Гуарнерий”²⁷. Возможно, что в “Литературных листках” печатались и другие, анонимные, переводы Иваненко. С 1835 г. издание “Литературных листков” прекратилось. Научные статьи и переводы западных писателей после этого стали изредка появляться в “Одесском вестнике”²⁸.

После прекращения “Литературных листков” деятельность Иваненко получила новое направление. В 1835 г. он дважды ходатайствовал перед Главным управлением цензуры о разрешении издавать журнал.

Первое прошение – об издании журнала “Одесское обозрение” – было подано в Одесский цензурный комитет в марте 1835 г. К прошению были приложены про-

грамма издания, “Свидетельство от начальства о поведении” и аттестат об “ученых сведениях” Иваненко²⁹.

Планируемое издание отвечало потребностям развивавшегося в культурном и экономическом отношениях Юга России. Официальный “Одесский вестник”, выходявший два раза в неделю на русском и французском языках, и “Листки, издаваемые обществом сельского хозяйства Южной России”³⁰, не в состоянии были удовлетворить эту потребность.

Новый журнал ставил перед собой более широкие задачи. Он призван был объединить силы местных литераторов и ученых в едином органе. Редакция приглашала к сотрудничеству и столичных писателей. Программа предполагаемого журнала была сформулирована Иваненко следующим образом: «С 1-го июля текущего года, если средства позволят, а в противном случае с 1-го января будущего 1836 года предполагается издание в Одессе журнала ученого и литературного под названием “Одесское обозрение”. Главная цель сего журнала – знакомить читателей с Новороссийским краем; в подобном журнале сей край, столь малоизвестный и между тем столь заслуживающий быть известным, до сих пор чувствовал недостаток. Обзор Новороссийского края не ограничится каким-нибудь односторонним наблюдением; он обнимет жителей и землю, успехи образования и развитие народного богатства. Издатель и его сотрудники будут делать наблюдения свои на самых местах; для сего они предпринимали и впредь будут предпринимать поездки по всему пространству Новороссии. Как ход и успехи просвещения в России и прочих европейских государствах имеют влияние на развитие самого Новороссийского края и рассматривать это частное развитие от общего невозможно, не вредя полноте картины, то в состав журнала войдет также постоянный отчет о ходе и направлении просвещения вообще». В журнале намечалось пять основных отделов “без определенного разделения на части”: “Науки”, “Отечественная словесность”, “Иностранная словесность”, “Критика и библиография”, “Смесь”. Периодичность издания – две книжки в месяц.

В программе “Одесского обозрения” указывалось, что в издании будут участвовать “все одесские литераторы и ученые”. “Сверх того, – писал Иваненко, – редакция приглашает и других русских писателей украшать сей журнал своим трудом”³¹.

Как видно из программы, главное место в журнале должна была занять русская и иностранная литература и критика; отделу “Науки” отводилась второстепенная роль. В программе подчеркивалось, что научные статьи, “не входя в частные, подробные ученые рассуждения, будут содержать одни основные понятия...”.

Заслуживает внимания стремление издателя освещать “местный материал” в связи с состоянием науки и просвещения в России и в странах Западной Европы. В программе предлагалось не часто встречавшееся в журналистике новшество – поездки сотрудников по Новороссийскому краю для сбора материалов – нечто вроде сети корреспондентов.

29 марта 1835 г. попечитель Одесского учебного округа Н. Покровский направил прошение Иваненко вместе с программой “Одесского обозрения” и другими документами в Главное управление цензуры. Оттуда 8 мая 1835 г. последовал категорический отказ: “Главное управление цензуры не находит удобным умножать число повременных изданий, не изъявило согласия на просьбу г. Иваненки. С. У в а р о в”³².

В середине 1835 г. Иваненко приехал в Москву. Своих друзей он не застал – Герцен, Огарев, Сатин уже находились в ссылке. Об их судьбе Иваненко узнал от Н.Х. Кетчера и от других оставшихся на свободе друзей. Кетчер же в не дошедших до нас письмах к Герцену и Огареву сообщил о приезде Иваненко. Так возобновились прежние связи. В целях конспирации друзья не упоминали в письмах фамилии Иваненко, называя его “Моисеем”, “Moses”, “И”. Так, в письме к Герцену от 29 августа 1835 г. Огарев писал: “Кандидат уехал, Moses в Москве; оба выросли душою”³³.

В декабре 1835 г. Иваненко вторично подал прошение о разрешении ему выпустить периодическое издание под названием “Новороссийский журнал”³⁴. При этом

ему удалось заручиться поддержкой влиятельного Воронцова, который в своем представлении в Министерство народного просвещения от 13 декабря отметил обширные познания будущего издателя. «Постоянные занятия Иваненки в продолжении нескольких лет, – писал Воронцов, – доставили ему возможность собрать множество любопытных сведений о Новороссийском крае. К сему присоединяется содействие многих других сведущих и ученых людей». Издание «Новороссийского журнала» губернатор назвал «предприятием весьма полезным».

К отношению Воронцова была приложена написанная Иваненко программа «Новороссийского журнала». В новом проекте иначе планировался отдел науки: «Сведения о науках, в настоящем их состоянии, ученые исследования о России, в особенности о Новороссийском крае. Теоретическое описание практических способов к усовершенствованию земледелия, фабрик, торговли, промышленности и проч.».

В отделе «Изящная словесность» предполагалось публиковать «оригинальные и переводные из лучших иностранных журналов статьи, в прозе и в стихах, повести, живописные путешествия по Крыму, Бессарабии и проч.» Планировались также отделы «Критика» и «Смесь».

Надо думать, что эти изменения были сделаны не без воздействия Воронцова. Ходатайство губернатора, однако, не помогло: 23 декабря 1835 г. Главное управление цензуры на представление Воронцова ответило отказом.

По поводу принятого решения министр народного просвещения С.С. Уваров в официальном письме известил Воронцова, что Главное управление не может разрешать издание новых журналов без «высочайшего соизволения» и что прошение Иваненко может быть представлено царю лишь в том случае, если Воронцов согласится «засвидетельствовать благонадежность издателя в нравственном отношении»³⁵.

По-видимому, Воронцов не считал возможным взять на себя ответственность за «нравственность» Иваненко, тем более, что незадолго до того им был получен секретный запрос об Иваненко из «высочайше» учрежденной Следственной комиссии, рассматривавшей дело о молодых вольнодумцах, к числу которых мог принадлежать будущий издатель «Новороссийского журнала».

Попытка Иваненко основать журнал совпала с аналогичными издательскими планами его московских друзей. Известно, что еще в конце 1832 или в начале 1833 г. членами герценовского кружка было задумано издание художественно-публицистического альманаха. Инициатива принадлежала В.В. Пассеку, которому удалось привлечь к участию в издании широкий круг авторов. Кроме Пассека, Герцена, Огарева, Сатина, в альманахе должны были участвовать М.П. Погодин, Н.Ф. Павлов, Н.С. Теллова, М.А. Максимович и др. К началу 1833 г. была собрана большая часть предназначавшихся для издания материалов. Подготовленный к печати альманах дважды представлялся в цензуру – в апреле и в мае 1833 г. Издание в свет не вышло. Т.П. Пассек, принимавший участие в подготовке издания, сообщает в своих воспоминаниях: «"Альманах" был составлен хорошо, хорошо переписан, но цензура так много изменила, что он оставался неизданным»³⁶.

Через год, в феврале 1834 г., когда более четко определилось направление общественных и научных интересов Герцена и его друзей, созрел план издания научного и литературного журнала. До нас дошел написанный Герценом документ под условным названием «Программа и план издания журнала» (I, 59–61), представляющий собой проект издания и одновременно изложение взглядов кружка Герцена и Огарева. Программа журнала отличалась энциклопедической широтой. Проект этот также осуществлен не был.

Идея издания журнала владела друзьями и в годы ссылки, о чем свидетельствует письмо Огарева к Н.Х. Кетчеру от 27 декабря 1837 г.³⁷

Здесь изложен интересный проект издания научного и литературно-художественного журнала. Возвращаясь к «Программе...» в 1834 г., Огарев развивает и дополняет первоначальный план: помимо научных и литературных статей, в журнале должны печататься «индустриальные статьи» отечественных «хозяев и промышлен-

МОСКВА. ЗДАНИЕ ПРЕЧИСТЕНСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЧАСТИ В ШТАТНОМ ПЕРЕУЛКЕ
(НЫНЕ КРОПОТКИНСКИЙ ПЕР., 23)

Фотография. Начало 1910-х годов

“Альбом зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению”. Том I. Москва, 1913
В Пречистенской полицейской части с 21 июля по 5 сентября 1834 г. содержался под арестом Герцен

ников”. Для этой части журнала Огарев считал возможным использовать иностранные технико-индустриальные издания³⁸.

Между журнальными проектами Огарева и Иваненко прослеживается определенная связь. Примечательно, что Огарев возвращается к мысли о журнале как раз в те дни, когда решается судьба “Новороссийского журнала”. По-видимому, в не дошедшем до нас письме к Огареву Кетчер сообщил об Иваненко и его журнальных проектах и письмо Огарева от 27 декабря 1835 г. явилось откликом на это сообщение.

Возможно, что сведения о журнальных проектах Иваненко дошли и до находившегося в ссылке Герцена. В письме к Кетчеру от 22 ноября 1835 г. Герцен писал: “Моисей в Москве ли? Пожми его руку” (XXI, 56).

О дальнейшей судьбе Иваненко известно немного. Несколько строк о нем мы находим в письме Огарева к Герцену от 27 сентября 1844 г. из Берлина³⁹. В 1848 г. в “Отечественных записках” был напечатан рассказ Иваненко “День в Новороссийских степях”⁴⁰. Сохранилось письмо Иваненко к А.А. Краевскому от 1 августа 1847 г. по поводу этой публикации⁴¹.

В конце 1840-х годов Иваненко жил в Москве; он был секретарем отделения Московского дамского попечительства о бедных⁴².

Сохранил ли Иваненко верность свободолюбивым устремлениям юности? Как он отнесся к деятельности своих друзей – издателей “Полярной звезды” и “Колокола”? Ответы на эти вопросы могут дать лишь дополнительные разыскания. Тогда же можно будет сделать и окончательные выводы насчет его политической эволюции. Но и приведенные материалы доказывают, что интересы Иваненко развивались в том же направлении, что и интересы Герцена. Стремление Иваненко, Герцена и Огарева издавать журналы, в программе которых было немало общего, говорит о том, что они чутко улавливали потребности эпохи и стремились основать издания, способные служить рупором передовой научной и общественной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Это письмо М.М. Иваненко опубликовано Л.Р. Ланским в его комментариях к 30-томному Собр. соч. Герцена (XXI, 594–596).

²Речь идет об издании: “Poezye Adama Mickiewicza, z portretem autora. “W., t. I–IV. P. 1828–1832. Тома I–III были в России “запрещены для публики”, т. IV – “безусловно” (см.: “Алфавитный список книг на польском языке, запрещенных цензурою иностранной безусловно и для публики с 1830 до декабрь месяц 1852 года включительно”. СПб., 1853, с. 16).

³“Дело по отношению генерал-адъютанта графа Бенкендорфа о обнаружившейся торговле запрещенными книгами” (РГИА, ф. 772, 1834, ед. хр. 699).

⁴“Труды Воронежского гос. университета, т. XIV, вып. II. Материалы по истории русской культуры”. Воронеж, 1947, с. 242–243.

⁵“Дело по отношению Екатеринославского гражданского губернатора об утверждении надворного советника Иваненко почетным попечителем Екатеринославской гимназии” (РГИА, ф. 733, оп. 78, 1835–1836, ед.хр. 216, 303, 388). В семье Иваненко было шестеро детей: Моисей, р. 1813; Андрей, р. 1814; Александр, р. 1815; Екатерина, р. 1817; Елизавета, р. 1818 и Анна, р. 1820.

⁶Далее следуют ссылки на указы разных лет о праве на гражданскую и военную службу.

⁷РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. I, ед. хр. 779, л. 3 (копия).

⁸Т. Л е в и т. Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе (“Лит. наследство”, т. 45–46, с. 233).

⁹В.А. М а н у й л о в. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.–Л., 1964, с. 27.

¹⁰“Моск. ведомости”, 1829, № 33, 24 апреля, с. 1559.

¹¹В.А. М а н у й л о в. Указ. соч., с. 31.

¹²“Моск. ведомости”, 1830, № 36, 3 мая, с. 1644.

¹³“Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Университетского благородного пансиона, по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс учения, 1830 года марта 29 дня. При сем отчет пансиона за 1829 год”. М., 1830, с. 37–42; “Дамский журнал”, 1830, № 17, с. 60.

¹⁴“Атеней”, 1829, № 17, с. 495–497. Ценз. разрешение 1 июля 1829 г.

¹⁵В.А. М а н у й л о в, М.И. Г и л л е л ь с о н, В.Э. В а ц у р о, М.Ю. Лермонтов. Семинарий. Л., 1960, с. 146–147. См. также: В. В а ц у р о. “Ирландские мелодии” Томаса Мура в творчестве Лермонтова (“Русская литература”, 1965, № 3, с. 184–192); “Лермонтовская энциклопедия”, с. 323–324.

¹⁶В.А. М а н у й л о в. Заметки о двух стихотворениях (“Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена”, 1948, т. 67. Кафедра русской литературы, с. 82–87). Предположение исследователя, что и прозаический перевод “Вечернего выстрела” принадлежит Лермонтову, вызвало возражения (см.: М.Ю. Лермонтов. Семинарий, с. 146–147). О переводе этого стихотворения см. также: “Лермонтовская энциклопедия”, с. 585–586.

¹⁷“Речи, разговор и стихи, произнесенные в торжественном собрании первой Московской гимназии, по случаю выпуска благородных воспитанников, окончивших курс учения, 1831 года ноября 6 дня. При сем отчет Первой гимназии за 1831 год”. М., 1831, с. 34–37, 38–41.

¹⁸Автор статьи “Московский университетский благородный пансион” ошибочно утверждает, что Огарев, как и Лермонтов, был воспитанником пансиона (“Лермонтовская энциклопедия”, с. 290). Получив домашнее образование, Огарев был зачислен 28 января 1832 г. вольнослушателем на нравственно-политическое отделение Московского университета (Н.Г. Т а р а к а н о в. Н.П. Огарев. Эволюция философских взглядов. М., 1974, с. 49). Но и до этого Огарев посещал университетские лекции сначала на физико-математическом, а затем на юридическом и словесном отделениях (В.П. Г у р ь я н о в. К студенческой биографии Н.П. Огарева (по новым материалам) – “Вестник Московского университета”. Серия обществ. наук, 1953, вып. 2, с. 165–167). Связующей нитью между Лермонтовым и Огаревым могла служить Е.П. Ростопчина, с которой Лермонтов познакомился в начале 1830-х годов и посвятил ей стихотворения “Крест на скале” (1830) и новоготий мадригал “Додо” (1831). В эти же годы с Ростопчиной сблизился и Огарев. По свидетельству Пассек, у него находились рукописи ненапечатанных стихотворений Ростопчиной (“Пассек I, 350). О знакомстве Лермонтова и Огарева с Ростопчиной см. также: С. С у ш к о в. Биографический очерк (“Сочинения гр. Е.П. Ростопчиной”, т. 1, СПб., 1890, с. XIV и XXXIX); “Декабристы. Сборник материалов”. Л., 1926, с. 15.

¹⁹См.: Н.Л. Б р о д с к и й. М.Ю. Лермонтов. Биография, т. 1. 1814–1832. М., 1945, с. 260–296; М. Г и л л е л ь с о н. Лермонтов в оценке Герцена (Сб.: “Творчество М.Ю. Лермонтова”. М., 1964, с. 364–394); М.И. Г и л л е л ь с о н, Е.Н. Д р ы ж а к о в а, М.К. П е р к а л ь. А.И. Герцен. Семинарий. М.–Л., 1965, с. 232–234; “Лермонтовская энциклопедия”, с. 111.

²⁰РГИА, ф. 777, оп. 1, ч. I, 1835, ед. хр. 779, л. 2. Отметим, что в официальных печатных источниках (“Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1835 год” и “Новороссийский календарь, издаваемый П.М. 1835 год”) служба Иваненко в канцелярии Воронцова не зафиксирована.

²¹А. С к а л ь к о в с к и й. Участие Одессы в подвиге на поприще наук, отечественной истории и словесности (“Сын отечества”, 1842, № 6, отд. V, с. 33, 36).

²²Возможно, знакомство Иваненко с Розбергом состоялось еще в Москве, в 1829 г., когда Розберг, закончив Московский университет, некоторое время сотрудничал в “Атенее” (см., например, перевод статьи “Открытие Пифагора” – “Атеней”, 1829, ч. 1, март, с. 556–590). Как уже говорилось, в этом журнале в 1829 г. была напечатана заметка Иваненко “Нечто о Муре” и перевод трех стихотворений Мура.

²³“Одесский альманах” на 1840 год”. Одесса, 1839, с. 28. Издателем альманаха был Д.М. Княжевич, его помощником – Н.И. Надеждин.

²⁴Участие Иваненко в “Одесском вестнике” в 1832 и 1833 г. не выявлено.

²⁵“Лит. листки”, 1833, № 12, с. 95–98; № 13, с. 103–105.

²⁶Там же, № 14, с. 110–113; № 15, с. 117–121; № 16, с. 125–128.

²⁷Там же, № 27, с. 235–242.

²⁸Например, “Отрывки из соч. Сильвио Пеллико” (“Одесский вестник”, 1835, № 43, 25 мая).

²⁹«Дело о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать журнал “Одесское обозрение”» (РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 779, 7 л.). В “Деле” сохранилось следующее свидетельство: “Служащий в штате канцелярии г-на Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, губернский секретарь Моисей Михайлов сын Иваненко во время служения своего в канцелярии, с 8-го января 1833 года по настоящее число, отличался хорошим поведением, доброю нравственностью и усердием к службе. О чем приятным долгом считаю сим свидетельствовать. 15-го марта 1835 года. Правитель канцелярии статский советник Ф а б р” (л. 2).

³⁰С 1841 по 1917 г. издание выходило под названием “Записки общества сельского хозяйства Южной России”.

³¹РГИА, указ, дело, л. 4–5.

³²Там же, указ, дело, л. 7.

³³Огарев II, 274. Кандидат – это, по-видимому, Н. Сазонов. См. также письмо Огарева к Кетчеру от середины 1835 г. (там же, с. 272). В комментариях к этому изданию отечество Иваненко указано неверно.

³⁴«Дело по отношению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора о дозволении губернскому секретарю Иваненко издавать “Новороссийский журнал”» РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 838, л. 4.

³⁵РГИА, указ, дело, л. 4.

³⁶Пассек I, 442.

³⁷Огарев I, 274–277.

³⁸Об этом проекте Огарева см.: Е.И. Зейлигер - Рубинштейн. Н.П. Огарев о воспитании и народном образовании. М., 1968, с. 35.

³⁹Огарев II, 374.

⁴⁰ОЗ, 1848, № 5, отд. 3, с. 34–48.

⁴¹РНБ, ф. 73 (А. Бильбасова), № 2, л. 1.

⁴²“Адрес-календарь жителей Москвы. Составлен (...) К. Нистремом”. 1850, ч. 1. Календарь чиновников служащих”. М., 1849, с. 358.

“ВЫСОЧАЙШАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ” АЛЕКСАНДРА II

Сообщение И.В. П о р о х а

Создание Герценом (в феврале 1853 г.) Вольной русской типографии явилось логическим следствием всей его предшествующей общественно-литературной и антиправительственной деятельности. Вместе с тем это выдающееся событие в истории русского освободительного движения показывает, какое огромное значение придавал Герцен бесцензурной печати в борьбе против крепостничества и самодержавия. “Основание *русской типографии* в Лондоне, – писал Герцен 20 мая 1853 г., – является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня принять в ожидании исполнения иных, лучших дел” (XII, 79).

Царское правительство сразу же поняло, какого грозного и опасного противника оно обрело в лице Герцена-издателя. Показательно в этом отношении официальное обращение шефа жандармов гр. А.Ф. Орлова к министру народного просвещения А.С. Норову от 24 июня 1853 г. Сообщая, что “изгнанник Герцен учредил недавно в Лондоне русскую типографию с целью печатать в оной возмутительные сочинения”, он предписывал Норову “обратить на это особенное внимание цензурных комитетов, так как в оные, в числе книг, привозимых из-за границы, могут быть представляемы и помянутые злонамеренные сочинения”. Одновременно Орлов “отнесся к гг. министру финансов и генерал-губернаторам пограничных губерний империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатанных в означенной типографии”¹.

И во все последующие годы, вплоть до самой смерти Герцена, его издательская деятельность постоянно являлась объектом преследований царского правительства, особенно усилившихся с момента выхода “Колокола”.

Герцену пришлось преодолеть немалые трудности, прежде чем он завоевал ши-